

ставшая для нас обоих слишком обширной, но которую мы сохраняли, чтобы не расстаться с вещами, нам дорогими, теперь походила на складочное место. В несколько комнат, для ограждения от уплотнения, я перевел секретариат и бухгалтерию Нефтяного общества, и вещи из этих комнат теперь беспорядочно наполняли остальные. В большой гостиной под картинами известных мастеров, хрустальной люстрой XVIII столетия, рядом с мебелью эпохи Возрождения сложены были кули с картофелем, который мы с трудом раздобыли. Комнаты, за исключением спальни жены и моей рядом, не топились. И дрова были на исходе, и людей не хватало. Дворников уже не было, часть наших людей уже нас оставила. Весь дом был заледенелый, так как никто из соседних жильцов не топил.

И вещи упłyвали одна за другую, и с каждой вещью упłyвала часть целого прошлого... И теперь эти друзья уносились враждебными дикарями, которые даже их прелести постичь не могли».

Кстати сказать, среди картин был и прекрасный портрет Петра Николаевича, очень точно запечатлевший его черты.

Николай Николаевич Врангель стал профессиональным искусствоведом, редактировал журнал «Аполлон» и опубликовал многочисленные материалы о неизвестных широкой публике мастерах, произведениях искусства. Среди основных его трудов можно назвать «Искусство и государь Николай Павлович», сборник «Венок мертвым», включающий статьи «Романтизм в живописи Александровской эпохи и войны 1812 года», «Иностранные художники в России», «Русские женщины в искусстве», «Любовная лирика XVIII века». Творения художника О. Кипренского, скульптора И. Мартоса, архитектора К. Росси, в начале XX века неизвестные, полузабытые или непризнанные, стали хрестоматийными во многом благодаря исследовательской работе Николая Николаевича.

А Петра Николаевича искусство не привлекало. Его ждала совсем другая стезя.

НАЧАЛО СЛУЖБЫ

В 1901 году Петр Врангель завершил обучение в Горном институте императрицы Екатерины II в Петербурге. Учеба давалась ему легко, особенно увлекала минералогия. Врангель окончил институт с золотой медалью, но не воспользовался статусом горного инженера, который давал освобождение от военной службы. Для прохождения обязательной воинской службы Петр Николаевич 1 сентября 1901 года поступил воль-

ноопределяющимся первого разряда в лейб-гвардии Конный полк, где традиционно служили представители рода Врангелей.

Десятого марта 1902 года по окончании полковой учебной команды Врангель был произведен в унтер-офицеры, а 2 июля — в эстандарт-юнкера*.

В 1902 году Врангель выдержал испытание на чин корнета гвардии при Николаевской академии Генерального штаба по первому разряду и успешно прошел дополнительный курс. Приказом от 12 октября он был произведен в корнеты с зачислением в запас. В тот момент продолжать военную службу барон не собирался.

Сослуживец Врангеля по полку генерал-лейтенант А. А. Игнатьев, впоследствии перешедший на службу к большевикам, в мемуарах «50 лет в строю» вспоминал:

«Русская контрреволюция, испробовав вождей из флота и армии, остановила свой выбор в конце концов на типичном представителе... конной гвардии — бароне Врангеле.

“Черный барон” имел и смолоду ту же внешность, которая знакома теперь каждому по плакатам и карикатурам. Я встречал его в юности на великосветских балах, где он выделялся не только своим ростом, но и тужуркой студента Горного института.

Потом я встретил его уже лихим эстандарт-юнкером конной гвардии, когда он в компании с моим младшим братом — гусаром, держал офицерский экзамен и просил меня, окончившего в то время Академию Генерального штаба, помочь на полевых поездках. Врангель за несколько месяцев военной службы преобразился в высокомерного гвардейца. Мне же в то время гвардейская служба уже так осточертела, что я посоветовал этому молодому инженеру бросить полк и ехать на работу в знакомую мне с детства Восточную Сибирь. Как это ни странно, но доводы мои подействовали, и Врангель отправился делать карьеру в Иркутск».

Заметим, что про Игнатьева с иронией говорили: «Пятьдесят лет в строю и ни одного дня в бою». Врангель в этом отношении был полной противоположностью «красному графу» (так, наряду с советским писателем А. Н. Толстым, называли А. А. Игнатьева), почти всегда служившему по военно-дипломатическому ведомству. В Иркутск же Петр Николаевич отправился, скорее всего, не по совету Игнатьева, а потому, что у его отца в Восточной Сибири были крупные деловые инте-

* Э стан дарт - юн кер (штан дарт - юн кер) — в 1880—1903 годах звание окончивших юнкерские кавалерийские училища до присвоения им офицерского чина. (Прим. ред.)

ресы. Ведь именно там находились основные предприятия Российского золотопромышленного общества. После ухода из армии Врангель служил в Иркутске чиновником для особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири, однако в службе по Министерству внутренних дел быстро разочаровался.

Врангель покинул армию — перспектива тянуть лямку младшего офицера в условиях мирного времени его не привлекала.

Н. Е. Врангель вспоминал: «Мой старший сын Петр, окончив за два года до войны (Русско-японской. — Б. С.) Горный институт, отбыв в конной гвардии воинскую повинность, был произведен в корнеты, но на службе не остался, а вышел в запас. И он, и я думали, что в течение долгих лет никакая война немыслима. В первый же день после ее объявления он вновь поступил на службу и стал хлопотать о переводе в действующую армию. Офицерам гвардии отправиться на Восток не разрешали, было даже почему-то объявлено, что в случае перевода они после окончания войны в свои части обратно принятые не будут. Тем не менее после усиленных хлопот некоторым, и ему в том числе, удалось добиться перевода, и он был зачислен в передовой отряд генерала Ренненкампфа и уехал в Маньчжурию».

С началом Русско-японской войны Врангель 6 февраля 1904 года по собственному желанию был определен хорунжим во 2-й Верхнеудинский полк Забайкальского казачьего войска, но уже 27 февраля его перевели на службу во 2-й Аргунский казачий полк. С этим полком барон участвовал в боях в составе отряда генерала Павла Карловича Ренненкампфа в период с 12 марта 1904 года по 29 мая 1905-го. Отряд первонациально дислоцировался в Ляояне в Маньчжурии. Его сослуживец генерал П. Н. Шатилов (тогда он был хорунжим лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка) вспоминал об этом периоде жизни Врангеля: «Он инстинктивно почувствовал, что борьба — его стихия, а боевая работа — его призвание». Именно тогда они и познакомились и подружились на всю жизнь. Кстати сказать, снабжение русской армии в Русско-японскую войну было поставлено из рук вон плохо, и врангелевским казакам приходилось заниматься «самоснабжением», то есть попросту грабить местных китайцев, на что офицеры вынуждены были закрывать глаза.

По дороге на фронт Врангель встретился с Игнатьевым. Тот вспоминал: «Наша встреча была совсем неожиданной — на платформе железнодорожной станции Чита, когда я проезжал там, отправляясь на японскую войну.

— Не мог же я не вернуться в такую минуту на военную службу, — сказал мне, как бы оправдываясь, Врангель и лихо заломил большую черную папаху забайкальского казака.

Тогда он показался мне искренним, но на театре войны я скоро должен был разочароваться в этом ловком, блестящем юноше. Он то и дело разыскивал меня где-нибудь, чтобы посоветоваться — какой орден стоит променять на лишний чин: ему хотелось нагнать два потерянных для военной службы года; куда устроиться, чтобы выделиться или чем-нибудь отличиться».

По утверждению Игнатьева, «в отличие от сибирских казаков, забайкальские казачьи полки, совсем уже не имевшие местных офицеров, были укомплектованы по преимуществу офицерами гвардейской кавалерии. Тут был и долговязый Врангель, будущий “черный барон”, тут же хватал боевые награды и Скоропадский, будущий гетман, и его соратник по Киеву князь Долгоруков».

Словом, несмотря на запрет, на войне оказался весь цвет гвардейской кавалерии. К утверждениям же Игнатьева, будто Врангель был воодушевлен не патриотическим порывом, а стремлением заработать лишний орден или чин, следует подходить с большой осторожностью. «Красный граф» был весьма пристрастен к «черному барону». Врангель остался на военной службе не из-за одних только карьерных соображений. Прав был Шатилов: барон там, в Маньчжурии, окончательно понял, что походы и бои — его призвание.

В ходе войны Петр Николаевич дважды оказывался в госпитале. Один раз — из-за солнечного удара, а другой раз — после ранения в грудь. Причем о первом случае его родные узнали из фельетона, напечатанного в «Новом времени». Николай Егорович вспоминал:

«От сына мы долго никаких известий не имели. Узнав, что в Петербург привезли раненого подполковника Энгельгардта, я поехал к нему узнать, не знает ли он что-нибудь о сыне.

— Точно ничего сообщить не могу, — сказал он. — Его в госпиталь привезли, как раз когда меня увозили, и я не успел спросить, как он.

Только через несколько недель мы узнали, что у нашего сына было что-то не в порядке с легкими. Через некоторое время его эвакуировали в Петербург».

Родители услышали от него неутешительные оценки: армия была превосходна, дрались как львы, но высшее начальство было бесполково и ему не доверяли. Забота о раненых была недостаточной. В приемном покое, где вначале находился Петр Николаевич, ни врач, ни даже фельдшер ни разу не по-

явились. Врачей больше всего занимали слухи о беспорядках в стране, фельдшера были, как правило, нетрезвы. Сын рассказывал:

«Я не умер только благодаря одному из моих казаков. Он меня сюда доставил и оставался со мной в течение пяти недель, не отходя от меня, как сторожевая собака. Но в центральном госпитале под наблюдением высшего начальства всё было прекрасно, даже роскошно.

В армии идет сильная пропаганда. Везде разбрасывают листовки, но пока, к счастью, их используют только на сигареты. Японские солдаты тоже дерутся как львы. Их армия прекрасно организована, и порядок в ней образцовый».

Вскоре после этого Николай Егорович беседовал с кавалерийским генералом Д. П. Дохтуровым, который, в частности, сказал ему: «Я много говорил с твоим сыном, собирая о нем подробные справки. Из него выйдет настоящий военный. Пусть и после войны останется на службе, он пойдет далеко».

Старый генерал не ошибся.

Во время операций против японцев отряд, в котором был Врангель, действовал в тылу врага. Ему приходилось также бороться против китайских бандитов — хунхузов и даже посчастливилось захватить в плен знаменитого атамана хунхузов Тя Фу.

Петр Врангель, будучи младшим офицером сотни, воевал вполне успешно. 4 июля 1904 года он был награжден орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», а 1 декабря барона произвели в сотники.

Уже после окончания боевых действий, 26 мая 1905 года, барон был переведен во 2-ю сотню Отдельного дивизиона разведчиков. Там он числился с 1 июня по 15 октября 1905 года. 1 сентября «за отличия в делах против японцев» Врангель был произведен в подъесаулы*, а 6 января следующего, 1906 года он получил орден Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

Его письма домой с войны мать литературно обработала и отдала в журнал «Исторический вестник», где они и были опубликованы в 1907 году.

Шестого января 1906 года Врангель был переведен в 55-й драгунский Финляндский полк с переименованием в штабс-ротмистры. И уже на следующий день, 7 января, он был прикомандирован к Северному отряду Свиты Его Величества под руководством генерал-майора А. Н. Орлова, действовавшему против повстанцев в Сибири. Так Петру Николаевичу впер-

* Подъесаул — казачий чин, в описываемое время относился к IX классу по Табели о рангах и соответствовал штабс-ротмистру в кавалерии и поручику в гвардии. (Прим. ред.)

вые довелось побывать в роли карателя. 9 мая 1906 года император всемилостивейше соизволил лично пожаловать ему за отличие орден Святой Анны 3-й степени.

Тридцатого августа 1906 года барон был прикомандирован к лейб-гвардии Конному полку, а 26 марта 1907-го переведен в этот полк поручиком.

«Хорошо я помню его молодым офицером, — вспоминает о Петре Врангеле генерал Шатилов. — Это был любивший общество светский человек, прекраснейший танцор и дирижер на балах и непременный участник офицерских товарищеских собраний. Уже в молодых годах он имел удивительную способность необычайно ярко, образно и кратко высказывать свое суждение по всевозможным вопросам. Это делало его чрезвычайно интересным собеседником. С другой стороны, он обыкновенно не воздерживался высказывать откровенно свои мнения, почему уже тогда имел недоброжелателей, число которых увеличивалось завистниками его яркой натуры».

На этот раз Врангель пробыл в конногвардейском полку неполных полтора года. Уже 20 августа 1907 года его откомандировали в Николаевскую академию Генерального штаба. На экзаменах Петр Николаевич набрал 10,3 балла из 12 возможных, что было выше среднего 10-балльного показателя у поступивших абитуриентов. 9 декабря 1909 года его произвели в штабс-ротмистры гвардии.

А. А. Игнатьев утверждал, что после окончания Русско-японской войны Врангель в Петербурге заехал к нему, чтобы спросить совета, «как бы одновременно и пройти курс Академии Генерального штаба, и попасть в офицеры Конной гвардии, и как “оседлать” в этом полку товарищей, большинство которых он в душе считал ничтожествами».

«Больше мы не виделись, — вспоминал Игнатьев. — Но в 1920 году из Крыма в Париж приехал ко мне посланец Врангеля, просившего поверить его “чисто демократической крестьянской и земельной реформе”.

Нарвавшись на хороший отпор, сей посланец ограничился просьбой дать ему хотя бы мою визитную карточку с надписью: “Здравствуй, Пипер”, как мы звали в свое время Врангеля (прозвище пошло от любимого Врангелем сорта шампанского. — Б. С.). Это было уже смешно. “Ну и слабы же вы, — ответил я, — если даже моя карточка вам нужна”».

Вполне возможно, что пристрастный к Врангелю Игнатьев на сей раз, насчет стремления барона «оседлать» товарищей, не соврал. Петр Николаевич действительно стремился достичь командного положения в любом коллективе, в котором оказывался.

При поступлении в академию Врангель женился первый и последний раз в жизни — на фрейлине Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны, потомственной дворянке, дочери камергера высочайшего двора девице Ольге Михайловне Иваненко. Бракосочетание состоялось 20 августа 1907 года. Жене Врангеля тогда было 24 года. Она родилась в 1883 году и была моложе мужа на пять лет, что вполне отвечало тогдашним традициям. В 1909 году у них родилась дочь Елена, в 1911-м — сын Петр, в 1914-м — дочь Наталья. Младший сын, Алексей, появился на свет на чужбине в 1922 году*.

Однажды Врангелю пришлось быть секундантом на дуэли своего шурина Дмитрия Михайловича Иваненко. Поединок, впрочем, закончился благополучно, без кровопролития, и противники отметили примирение шампанским.

В Академии Генштаба Врангель особых успехов достиг в овладении иностранными языками (английским и французским), военной администрацией, военной статистикой, стратегией, а также на практических занятиях по тактике.

Советский маршал Б. М. Шапошников вспоминал:

«Со мной на курсе учился поручик лейб-гвардии Конного полка барон Врангель, впоследствии один из руководителей русской контрреволюции на юге России в период гражданской войны 1918—1920 годов, так называемый “черный барон”. Окончив Горный институт, Врангель пошел служить в архиаристократический конный полк, участвовал в Русско-японской войне. Вернувшись в Петербург уже в чине поручика гвардии, он поступил в академию... Врангель в академии вел знакомство только с гвардейцами и кое с кем из армейцев. Я не принадлежал к числу последних и никогда не здоровался с Врангелем. Высокого роста, худой, черный, он производил отталкивающее впечатление. Подошла очередь экзамена по геодезии и для Врангеля. Вышел, взял билет, на доске написал: “Барон Врангель” и “8”, обозначив номер билета, который он вытащил. Вслед за ним вышел сотник казачьего Донского полка Герасимов, очень скромный, умный и тактичный офицер. Вынул билет, не помню сейчас, какой номер, ну, положим, № 12, и написал: “Герасимов № 12”. Оба стали готовиться к ответу. Герасимов вытащил очень легкий билет — описание мензулы, а у Врангеля был трудный, с какими-то математическими вычислениями. Смотрим, Врангель всё за-

* Некоторые источники ошибочно указывают, что А. П. Врангель родился в 1923-м и даже в 1924 году. Однако существуют фотографии 1922 года, где запечатлен новорожденный Алексей. (Прим. ред.)

глядывает в программу, затем берет губку, смывает свой № 8 и пишет № 12. Таким образом, у двух слушателей оказался один и тот же № 12. Ждем, что же будет дальше. Подходит очередь отвечать Врангелью. Шарнгорст (генерал, профессор военной геодезии. — Б. С.) посмотрел в свои записи, потом на доски с номерами билетов и спрашивает Герасимова: “Как это у вас оказался тоже билет № 12?” Тот отвечает, что он его взял и его номер должен быть записан у Шарнгорста. Врангель молчит. И вот, к нашему удивлению, строгий, неподкупный стариk генерал Шарнгорст говорит: “Вы, барон Врангель, отвечайте № 12, а вы, сотник Герасимов, № 8”. Но Герасимов и за № 8 получил 12 баллов. Конечно, 12 баллов получил и Врангель, но престиж Шарнгорста в академии упал.

Когда закончился экзамен, в кулуарах собрался курс и началось обсуждение поступка Врангеля. К сожалению, суда общества офицеров у нас в академии не было. По адресу гвардейцев говорили много нелестного. Идти к начальству с жалобой не позволяла офицерская этика, да и что начальство, когда сам Шарнгорст покрыл жульничество Врангеля. Поругались, поругались, и число бойкотирующих Врангеля, т. е. не здоровающихся с ним, увеличилось».

Сын Петра Николаевича Алексей в своей книге рисует эпизод с обменом билетами совершенно иначе, опираясь, очевидно, на семейные предания: «Однажды на экзамене по высшей математике Врангелью достался легкий вопрос, он быстро справился с ним и записал решение. Его соседу, казачьему офицеру, попался трудный билет, и Врангель обменялся с ним, получив взамен решенной новую, более трудную задачу, с которой тоже успешно справился. Эту историю много лет спустя однокашник Врангеля по академии советский маршал Шапошников описал в своих мемуарах. Однако Шапошников сделал то, на что не решился даже Сталин, которого Врангель разбил под Царицыном, — поменял роли участников, и у него вышло, будто это Врангель попросту стащил у товарища билет с более легкой задачей. Вряд ли такой исторический подлог добавил славы советскому маршалу».

Версия Алексея Петровича кажется более правдоподобной, чем версия Бориса Михайловича, хотя оба они — рассказчики пристрастные. Алексей Петрович до самой смерти боготворил отца. Советский маршал же не мог в предназначавшихся к публикации мемуарах положительно отзываться о личных качествах «черного барона» и старался всячески — да простят читатели за каламбур — очернить его (признание достоинств Врангеля как полководца все-таки допускалось в советской историографии — тем славнее, дескать, была победа Красной армии). Но

надо учитывать, что геодезию Врангель должен был знать очень хорошо, потому что этот предмет он совсем недавно проходил и успешно сдал в Горном институте и ему не было никакой нужды жульничать, чтобы получить более легкий билет.

Шапошников приводит еще один компрометирующий Врангеля эпизод: «В один из вечеров докладывали Врангель и Сулейман — яркий гвардеец и степенный армеец. Темой обоих докладов были действия русских на Кавказском театре в Крымскую войну. Врангель докладывал первую половину, а Сулейман — вторую. Оппонентами были генерал Колюбакин и полковник Ниве. Врангель доложил посредственно, но комиссия ему поставила 12 баллов. Сулейман докладывал отлично, по нашему мнению, но оппоненты придирились к мелочам. Как только комиссия вышла за двери, чтобы обсудить отметку, раздались аплодисменты и крики: “Браво, Сулейман!” В аудиторию сейчас же вернулся Ниве и заявил: “Господа, вы не в Александрийском театре!” Однако наше выступление всё же заставило комиссию поставить Сулейману 11 баллов. Этот эпизод еще лишний раз показывает, как враждебно курс был настроен к Врангелю».

Достоверность этого эпизода также внушает большие сомнения, ибо в тексте прямо-таки сквозит неприязнь к Врангелю. Преподаватель, сделавший замечание слушателям за аплодисменты, был полностью прав. Ни в одной военной академии, равно как ни в одном университете, еще никогда не ставили оценки на основе того, насколько понравился ответ слушателя или студента его сокурсникам. Впрочем, не исключено, что весь этот эпизод Шапошников основательно пересхранил, чтобы дискредитировать Врангеля.

Вместе с тем нельзя не признать, что в царской армии существовал значительный антагонизм между армейскими и гвардейскими офицерами. Первые считали вторых бездельниками, карьеристами и «придворными шаркунами». Ведь гвардейцы имели ряд карьерных преимуществ. В гвардейских полках не было чина подполковника, поэтому ротмистры, есаулы или капитаны лейб-гвардии сразу становились полковниками. Гвардейцы сохраняли перед армейцами преимущество в один чин. Кроме того, в гвардии генеральской была уже должность командира полка, тогда как в армии — командира бригады. Эту нелюбовь к гвардейцам вполне разделял и Шапошников задолго до того, как пошел служить большевикам.

Третьего июня 1910 года Врангель успешно (седьмым по списку) окончил дополнительный курс академии, был причислен к Генеральному штабу и откомандирован к штабу Санкт-Петербургского военного округа.

Шапошников вспоминал: «Учебная часть подвела итоги окончания дополнительного курса и объявила их нам. Итак, подлежали причислению к Генеральному штабу 48 человек — 15 гвардейских и 33 армейских офицера. Кроме того, считался успешно окончившим дополнительный курс Врангель, который по собственному желанию уходил в свой лейб-гвардии Конный полк. Академия ему была нужна, чтобы скорее получить эскадрон и чин ротмистра гвардии, приравнивавшийся в случае ухода в армию к полковнику» (в действительности чин гвардейского ротмистра при переходе в армейские полки приравнивался к подполковнику). В то время чуть более трети выпускников академии причислялось к Генеральному штабу. Из 124 человек, поступивших на младший курс в выпуск Врангеля, 62 были отчислены, а 14 человек окончили дополнительный курс без причисления к Генштабу.

По словам Шапошникова, «по причислении к Генеральному штабу, за исключением конников, мы должны были все откомандовать два года ротой (это касалось и артиллерии). Кавалеристы на год шли в офицерскую кавалерийскую школу, а затем в строй для командинания эскадроном». Врангель, окончивший академию одним из лучших, получил возможность остаться «по собственному желанию» служить в строю своего лейб-гвардии Конного полка, так как строевую службу всегда предпочитал штабной.

Успешно окончив курс в Офицерской кавалерийской школе, 22 мая 1912 года Петр Николаевич прибыл в лейб-гвардии Конный полк. Там он стал вначале временно командующим третьим эскадроном, а 16 августа — его командиром. Это был «шефский» эскадрон Его Величества. 6 декабря 1912 года Врангелю был пожалован орден Святого Станислава 2-й степени за бесporочную службу, а 11 августа 1913 года его произвели в ротмистры. В этом чине барон и встретил войну.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

В июле 1914 года в составе полка Врангель выступил на фронт. Жена находилась вместе с ним, работая в медицинских учреждениях частей, которыми он командовал. Конногвардейский и Кавалергардский полки входили в 1-ю бригаду лейб-гвардии Кавалерийской дивизии, а та, в свою очередь, в состав 1-й армии, которой командовал старый знакомый Врангеля по Маньчжурии, генерал от кавалерии П. К. Рennenкампф, благоволивший барону.

Очень скоро Врангель стал первым русским офицером,